

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1870 г.

ТОМЪ I.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня

В. Н. Головина,

у Владимирской церкви, домъ № 15, кварт. № 3.

1870.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.
ТОМЪ I.

Годъ первый. ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ, АПРѢЛЬ, МАЙ, ЮНЬ. 1870 годъ.

СОДЪРЖАНІЕ:

I. Объ изданіи «Русской Старины»	1	XI. Записки М. И. Глинки 1804-1854 гг. части I и II.	313
II. Военный бытъ въ Великомъ Новгороде XI—XV ст. Исслѣдованіе А. И. Никитскаго	5	XII. Указы, рескрипты, письма: Петра I, Екатерины I, Анны Ивановны, Ивана Антоновича, Павла I, императрицы Маріи Федоровны, импер. Александра I и Николая Павловича. 1705-1826 гг.	389
III. Журналъ генералъ-фельдмаршала кн. М. Ю. Трубецкаго 1717-1763 гг.	33	XIII. Письма, рассказы и замѣтки относящіяся до государ. дѣтелей: кн. М. М. Щербатова, гр. Аракчеева, кн. М. И. Голенищева—Кутузова—Смоленскаго; гр. П. П. Коновницына, генер. Фуля, А. С. Шишкова, архимандрита Фотія и И. Н. Скобелева, 1789-1826 гг.	478
IV. Записка придв. брѣвлящика Позье 1729-1764 гг. в пис. Пискара 1781 г.	128	XIV. Русскіе писатели XVIII-го вѣка: Олешевъ и Дмитріевъ—Мамоновъ, исслѣд. М. Н. Лонгинова	541
V. Записки Лагарпа о воспитаніи в. к. Александра и Константина Павловичей 1786-1789 гг.	152	XV. Русскіе писатели XIX-го вѣка: К. Н. Батюшковъ, кн. А. И. Одоевскій, В. К. Кюхельбекеръ, Н. А. Крыловъ, А. С. Пушкинъ, П. А. Полевой и Ф. Ф. Вигель	549
VI. Воспоминанія гр. Коновницына, адмирала Колзайнова, А. П. Степанова, сенатора М. Д. Дамилова, Н. А. Титова, А. П. Моръ, генер. М. Г. Сигунова 1808-1826 гг.	207	XVI. Некрологъ: о М. Я. Морозиницк. († 15 апрѣля 1870 г.).	579
VII. Записки М. А. Бестужева: I. Братья Бестужевы. II. Стѣнная азбука въ Петроп. крѣпости 1820-1826 гг.	253	XVII. Библ. листокъ рус. истор. книгъ . 1-20	
VIII. Буить военныхъ посланій, рассказы очевидцевъ: о. I. Парова и П. М. Дирина 1831 г.	275		
IX. Записки императора Николая Павловича о Прусскихъ дѣлахъ 1848 г.	289		
X. Оборона Петропавловскаго порта въ Камчаткѣ 1854 г., записки контръ-адмирала А. П. Арбузова	298		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Записки А. Т. Болотова 1738-1794 гг. части I—IV., письма 1—47., съ портретомъ и 22-ма рисунками, исполненными авторомъ и гравированными акад. Л. А. Сѣряжковскимъ. Въ статьѣ А. П. Арбузова приложенъ планъ Камчатскаго порта въ 1854 г., испол. въ картогр. завед. А. А. Ильина.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Печатня

В. Н. Головина,

1870.

— Вотъ я пью вашу воду. Славная вода у васъ!

Между тѣмъ уже вечерѣло. У одной изъ женщинъ, стоявшихъ въ толпѣ, расплакался ребенокъ.

— Ступай домой, сказалъ ей государь: ребенокъ твой спать хочетъ, а ты меня еще завтра увидишь.

Въ это время возвращалось съ поля стадо; государь приказалъ народу раздвинуться и дать ему дорогу.

На другой день государь долго почивалъ, и, до его пробужденія, не начинали обѣдни. Это было въ воскресенье и государь съ вечера пожелалъ быть въ церкви. Вставши, онъ тотчасъ отправился въ Успенскую церковь съ великими князьями и свитой. Черезъ площадь государь и всѣ съ нимъ бывшіе проходили съ открытыми головами. Въ церкви онъ помѣстился противъ образа Николая чудотворца. Впродолженіи службы, государь обратилъ вниманіе на то, почему служатъ два священника (другой былъ протопопъ изъ собора), и, казалось, не былъ этимъ доволенъ. По окончаніи литургіи хотѣли служить молебенъ, но онъ не приказалъ. При выходѣ изъ церкви, какой-то отставной солдатъ сказалъ что-то на ухо шедшему нѣсколько позади велик. кн. Константину Павловичу, и тотъ весь вспыхнулъ; но о чемъ онъ говорилъ ему, — неизвѣстно. Тотчасъ послѣ обѣдни, государь отправился далѣе по дорогѣ въ Казань и на станціи Вилотово-Вражской имѣлъ обѣдъ.

Государь былъ средняго роста, лицо имѣлъ полное, круглое, голосъ — толстый, сиповатый. Великій князь Александръ Павловичъ, бывшій въ то время лѣтъ 20-ти, былъ настоящій красавецъ.

Когда записывался этотъ рассказъ, домъ Колесникова былъ еще цѣлъ; это было двухъ-этажное деревянное, полуразвалившееся зданіе съ пятью окнами; нижній этажъ совсѣмъ вросъ въ землю.

Сооб. М. Э. де-Шуле.

Письма вел. княгини Маріи Федоровны къ К. И. Кюхельбекеру.

Помѣщаемыя здѣсь письма императрицы Маріи Федоровны писаны къ отцу весьма извѣстнаго въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія поэта В. К. Кюхельбекера, къ Карлу Ивановичу Кюхельбекеру. Вотъ біографическая замѣтка объ этой личности, составленная его внучкою, Юстиною Вильгельмовною Косовой: «Карлъ Кюхельбекеръ, саксонскій уроженецъ, дворянинъ Римской имперіи, имѣлъ помѣстье въ Саксоніи, перешедшее, по семейнымъ сдѣлкамъ, къ сестрѣ его г-жѣ Некеръ. Воспитанный въ лейпцигскомъ университетѣ и имѣя всестороннее образованіе, К. И. Кюхельбекеръ прибылъ въ Россію, какъ многіе нѣмцы того времени, попытать счастья, но не смотрѣлъ на избранное свое отечество, только какъ на средство обогащенія, а привязавшись къ нему, вѣ-

рой и правдой служить великому князю, вносгдствн императору Павлу Петровичу и императрицѣ Маріи Федоровнѣ, личнымъ расположеніемъ и полнымъ довѣріемъ которыхъ онъ всегда пользовался въ различныхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ. Между прочимъ онъ былъ вторымъ директоромъ Павловска, занимая это мѣсто впродолженіи двѣнадцати лѣтъ*), составляя вмѣстѣ съ женою своею Юстиною Яковлевной (рожденной Ломанъ), барономъ Николаемъ, швейцарцемъ ла-Фермиеръ (la-Ferrière), княгинею Ливенъ и г-жею Бенкендорфъ—ежедневное и единственное общество молодого двора**). Въ павловской дворцовой библиотекѣ сохраняется цѣлое собраніе собственноручныхъ писемъ, писанныхъ императоромъ Павломъ и императрицею Маріей Федоровной къ Кюхельбекеру. Нѣкоторыя остались въ рукахъ дочери его Юстины Карловны Глинки. По смерти Павла Петровича, К. И. Кюхельбекеръ поселился въ дарованномъ ему арендномъ имѣніи Эстляндской губерніи Авинормѣ, гдѣ и умеръ въ 1809 г., оставивъ вдову свою почти безъ средствъ къ существованію.

Мать Вильгельма Карловича, Юстина Яковлевна, рожденная Ломанъ, († 1841 г.) отличалась не только красотой и умомъ, но и древностію рода. До сихъ поръ существуютъ въ Саксоніи «развалины замка Ломанъ», нередко посещаемыя путешественниками, принадлежавшій ея предкамъ, которые съ Магштейномъ переселились въ Россію. Принятыя лифляндскимъ дворянствомъ, они заключили родственныя связи съ древнѣйшими фамиліями этой губерніи, какъ-то: съ Штакальбергъ, Аврепъ, Тизенгаузенъ, Ребиндеръ и пр.

Гед.

I. Васъ не было вчера на Каменномъ Островѣ и хотя Николай мнѣ сказалъ, что вамъ только нездоровится, но мнѣ пришло въ голову, что вы въ самомъ дѣлѣ серьезно больны и я боюсь, не простудились-ли вы въ Павловскомъ? меня это еще болѣе огорчаетъ, и я прошу васъ, мой добрый Кюхельбекеръ, сказать мнѣ всю правду: чтѣ вамъ недостаетъ и не надо ли вамъ чего-нибудь? Что подѣлываетъ милое Павловское? Прощайте, дорогой мой Кюхельбекеръ, я крайне сожалею о вашемъ плохомъ здоровьѣ. У васъ слишкомъ много занятій, вамъ нуженъ помощникъ, и я вамъ даю порученіе прискаты его себѣ.

I. Vous ne vous êtes pas trouvé hier à Camennoïostrov et quoique Nicolai m'ait dit que vous n'étiez qu'indisposé, j'ai dans la tête que vous êtes vraiment malade, et je crains que vous ne vous soyez refroidi à Pawlowske; j'en suis d'autant plus affligée et vous prie, mon bon Kütchelbecker, de me dire au vrai ce qui vous manque et si vous avez besoin de quoi que ce soit. Que fait ce cher Pawlowske? Adieu, mon cher Kütchelbecker, votre mauvaise santé me fait grand peine. Vous avez trop d'occupations, il vous faut un aide et je vous donne la commission de vous en chercher un.

*) Первымъ, по времени, директоромъ былъ кн. Гагаринъ, преемникомъ же Кюхельбекера былъ гр. Мелинъ.

***) Анна Юліана Бенкендорфъ, рожденная Шиллингъ-фонъ-Капштадтъ, изъ Виртембергн, вмѣстѣ воспитывалась съ императрицею Маріей Федоровной, чѣмъ и объясняется короткость отношеній и дружба ея съ этой государыней. Шиллингъ вышла замужъ за Христофора Ивановича Бенкендорфа, дворянина изъ русскихъ Прибалтійскихъ губерній; онъ приважалъ жениться на ней въ Штуттартъ. Въ то время Бенкендорфъ былъ кажется въ чинѣ полковника, умеръ же онъ генераломъ-отъ-инфантерн. Шиллингъ прѣ-

II. Прошу васъ, мой добрый Кюхельбекеръ, дать мнѣ отвѣтъ на счетъ ситцу. Вы не должны опасаться заплатить за него, потому что я въ ту же минуту отдамъ вамъ деньги.

Я уже давно просила васъ, мой добрейшій Кюхельбекеръ, рисунокъ двора Павловска, такъ какъ мы намѣреваемся его устроить. Вы очень будете любезны, если доставите мнѣ этотъ рисунокъ въ скоромъ времени.

III. Не унывайте, мой добрый Кюхельбекеръ, вы увидите, что все пойдетъ хорошо. Берегите свое здоровье, равно какъ и здоровье мастеровыхъ, — это главное. Такъ какъ не очень сильно таетъ, то надѣюсь, что и вода сегодня не высока.

Посылаю вамъ при семь самаго лучшаго китайскаго чая, который я только-что получила; пейте его и я желаю, чтобы онъ принесъ пользу вашей груди. Скажите, пожалуйста, Вислеру, что мнѣ кажется, онъ хорошо бы сдѣлалъ, если не теряя времени, онъ сегодня выростъ изъ поля розаны, посадить ихъ въ горшки и поставить пока въ холодную комнату; эта мысль мнѣ пришла на умъ; но пусть дѣлаетъ какъ лучше заблагоразсудитъ. Прощайте, желаю вамъ покоя и не имѣть воды.

МАРІЯ.

II. Je vous prie, mon bon Kûchelbecker, de me donner réponse sur le coton; vous ne devez point avoir peur de faire le déboursé, car je vous rendrai l'argent au même moment.

Il y a bien longtemps que je vous ai demandé, mon très cher Kûchelbecker, le dessin de la cour de Pawlowske, comme nous sommes dans l'intention de le faire. Vous serez très aimable, si vous me procurez ce dessin bientôt.

III. Ayez bon courage, mon bon Kûchelbecker, vous verrez que tout ira bien, ayez soin seulement de votre santé et de celle des ouvriers, c'est le principal; comme il ne dégèle pas fortement, j'espère que les eaux ne seront pas hautes aujourd'hui.

Je vous envoie ci-joint de l'excellent thé de Chine que je viens de recevoir; prenez-en, je souhaite qu'il fasse du bien à votre poitrine. Dites, je vous en prie, à Wisler, que je crois qu'il ferait bien, si sans perdre du temps aujourd'hui, si les eaux le lui permettent, il déterre le champ de roses, les mette dans des pots et les pose en attendant dans une chambre froide; c'est une idée qui m'est venue; il fera ce qu'il jugera pour le mieux. Je vous souhaite le bonjour, et du repos et point d'eau.

Marie.

хала въ Петербургъ уже по выходѣ замужъ. Кромѣ сыновей Александра и Константина — у нея были еще двѣ дочери: Дарья и Марія Христофоровны. Первая вышла замужъ за сына статсъ-дамы княгини Ливенъ, воспитательницы малолѣтнихъ дѣтей императрицы Маріи Федоровны. Князь Ливенъ былъ посломъ при лондонскомъ и другихъ европейскихъ дворахъ; жена его Дарья Христофоровна удивляла и привлекала всѣхъ своимъ необыкновеннымъ умомъ. Гизо, съ которымъ княгиня была очень дружна, написалъ биографію этой замѣчательной женщины. Сестра ея, Марья Христофоровна — была въ замужествѣ за генераломъ Шевичъ. Во время директорства Кюхельбекера въ Павловскѣ — всѣ названнаго лица семейства Бенкендорфъ были дѣтьми.

Императрица Марія Федоровна имѣла обширную переписку съ своимъ «добрымъ другомъ», какъ она обыкновенно называла Кюхельбекера. Эта громадная корреспонденція, — болѣе сотни писемъ, находится въ библиотекѣ августѣйшаго владѣльца города Павловска и хранится въ этомъ городѣ, во двор-

Мы вамъ посылаемъ souvenir въ знакъ благодарности за всё ваши труды.

IV. Мой добрый Кюхельбекеръ. Вы меня малу-по-малу подготавлиете къ тому, чтобы потомъ сказать, что мнѣ невозможно будетъ найти мой домъ подъ крышей. Не такое ли ваше намѣреніе, мой добрый Кюхельбекеръ? Я васъ угадала; я даже вамъ скажу, что я объ этомъ очень жалѣю; но я увѣрена, что вы въ томъ невиноваты. Сообщите мнѣ, ради Бога, зачѣмъ Камеронъ сдѣлалъ низъ на сводахъ? это только удваиваетъ расходы и имѣетъ ту неприятность, что никогда не сохнетъ; притомъ на эти толстыя стѣны тратится много кирпича. Если же прочность того требуетъ, то дѣло другое. Наконецъ, я вамъ повторяю, что я увѣрена, что вы, мой добрый Кюхельбекеръ, все сдѣлали какъ можно лучше. Что же касается Камерона, то я отлагаю мое сужденіе о немъ, пока вы меня не извѣстите о точности дѣла. — Поговоримъ о садѣ, который будетъ моимъ утѣшеніемъ, потому что я очень огорчена тѣмъ, что начала постройку дома, который сыгралъ мнѣ вѣроломную шутку. Готовъ-ли птичникъ? Лъщу себя надеждою, что онъ красивъ; вѣдь вы мнѣ это общали, мой добрый Кюхельбекеръ. Что дѣлаетъ молочня? Будетъ-ли она модъ

Nous vous envoyons un souvenir en signe de reconnaissance pour toutes les peines que vous vous donnez.

IV. Kotzke, ce ^{25 Oct.} 1782. Mon bon Kûchelbecker. Vous me préparez peu à peu pour me dire ensuite qu'il est impossible que je trouve ma maison sous toit; n'est-ce pas là votre intention, mon bon Kûchelbecker? Je vous ai deviné, je vous dirai même que cela me fait de la peine, mais je suis bien persuadée que cela n'est pas de votre faute: marquez-moi, au nom de Dieu, pourquoi est-ce que Cameron a fait voûter le bas; cela double la dépense et cela a le désagrément de ne jamais sécher, de même que ces murs épais qui mangent des briques. Si la solidité l'a exigé, c'est autre chose; enfin je vous répète, que je suis persuadée que vous, mon bon Kûchelbecker, avez fait de votre mieux, et quant à Cameron je suspends mon jugement jusqu'à ce que vous m'aurez informé du vrai de la chose. Parlons du jardin qui fera ma consolation, car je suis très fâchée d'avoir commencé la maison qui me joue un tour perfide; ma volière est-t-elle achevée et bien jolie? J'ose m'en flatter, car vous me l'avez promis, mon bon Kûchelbecker. Que fait la laiterie? Sera-t-elle sous toit? Que trouverai-je de nouveau dans mon jardin? Sera-t-il rempli de fleurs précieuses? La colonnade

цѣ. «Если бы для васъ,—писать къ намъ изъ Смоленской губ. А. Г. Глинка; внучка В. И. Кюхельбекера,—были сняты печати, которыми в. в. Михаилъ Павловичъ собственноручно запечаталъ оберту на книгахъ, заключающихъ письма и записки Маріи Фёдоровны къ моему дѣду, вы нашли бы въ нихъ много драгоценныхъ матеріаловъ для обрисовки характера этой рѣдкой добродѣтели монархини. Изъ нихъ можно усмотрѣть ея необыкновенную дѣятельность, доброту, снисхожденіе къ низшимъ, заботливость о всемъ и о всѣхъ, и проч. Письма напечатанныя въ «Рус. Стар.» взяты изъ тѣхъ, которыя казались не представляющими интереса, почему онѣ и были оставлены въ рукахъ моей матери. Между прочими письмами къ моему дѣду, хранящимися въ Павловскѣ, есть нѣсколько довольно интересныхъ писемъ в. в., а потомъ и императора Павла Петровича.»

А. Г. Глинка.

крышей? Что я найду новенькаго въ моемъ саду? Будеть-ли онъ насаженъ рѣдными цвѣтами? Будеть-ли окончена колоннада? Готовъ-ли цвѣтникъ передъ птичникомъ? Очищенъ-ли мой лѣсъ? Словомъ, найду-ли я много новенькаго? Признаюсь вамъ, это будетъ для меня истиннымъ праздникомъ, когда я опять увижу мой дорогой Павловскъ. Конечно, я хотя одинъ разъ, да приѣду туда зимой, чтобы взглянуть на него, и тогда уже я васъ поблагодарю лично за всѣ ваши труды и попеченія, которые конечно мнѣ не безъизвѣстны и которые я умѣю цѣнить. Прошу васъ также цѣнить мою признательность и будьте увѣрены, что я пребываю къ вамъ всегда благосклонною. МАРИА.

Мои поклоны вашей женѣ. Тестъ вашъ здоровъ.

На оборотѣ адресъ: „Господину Кюхельбекеру“.

V. Мнѣ очень жаль было узнать, что здоровье ваше побуждаетъ васъ просить позволенія отдохнуть отъ трудовъ предпринятыхъ вами въ Павловскомъ, но причина такъ уважительна, что я не могу отказать вашей просьбѣ; исполняя ее, я очень довольна, что могу доказать вамъ мою благодарность, оставляя вамъ все содержаніе, которое вы отъ меня получали, и великій князь позволилъ мнѣ сказать вамъ, что онъ имѣетъ милость удостоить васъ сохраненіемъ званія секретаря, вмѣстѣ съ содержаніемъ, которое вы получаете, и квартирой въ каменномъ домѣ.

Я всегда буду рада быть вамъ полезной, оставаясь къ вамъ благосклонною
МАРИА.

Прошу васъ продолжать ваши занятія въ Павловскомъ до тѣхъ поръ, пока я не прищу кого-нибудь, кто бы могъ васъ замѣнить.

Сообщ. Ю. В. Косова.

serat-elle achevée? Le parterre devant la volière est-il fini? Mon bois est-il nettoyé? Enfin, trouverai-je beaucoup de nouveau? Je vous avoue que je ne fais une fête de revoir ce cher Pawlovsky; certainement nous y viendrons une fois, du moins, pour le voir pendant l'hiver, et ce sera alors que je vous remercierai de bouche pour toutes les peines et les soins que vous vous donnez, qui me sont certainement connus et que je sais apprécier; faites-en de même de ma reconnaissance et soyez persuadé que je suis votre affectionnée Marie.

Mes compliments à votre femme. Votre beau-père se porte bien. (Адресъ): „À Monsieur Kuchelbecker“.

V. ce ⁵/₁₆ Juin 1789. Je suis fâchée de voir que votre santé vous oblige de me demander la permission de vous remettre des soins que vous avez donnés à Pawlovsk; mais cette raison est si valable que je ne saurai refuser votre prière; mais tout en vous l'accordant, je suis charmée de pouvoir vous prouver ma reconnaissance, en vous laissant les mêmes appointements que vous avez eu de moi, et le Grand Duc me permet de vous dire qu'il daigne vous conserver le titre de Secrétaire, les appointements que vous avez et la demeure dans la maison en pierres. Je serai toujours charmée de vous obliger, étant votre affectionnée Marie.

Je vous prie, monsieur, de continuer vos fonctions de Pawlovsk, jusqu'à ce que je trouve quelqu'un qui puisse vous remplacer.

Письма императрицы Маріи Федоровны къ А. С. Шишкову.

1813 *).

I. Александръ Семеновичъ! Въ числѣ представленій, по которымъ просила я васъ доложить императору, любезнѣйшему моему сыну, но не получила еще извѣстія о рѣшеніи его величества, есть такія, въ разсужденіи коихъ нужнѣе мнѣ скоро узнать соизволеніе его величества, нежели по другимъ, потому что отъ онаго зависить производство дѣлъ, и въ ожиданіи разрѣшенія, теченіе тѣхъ дѣлъ останавливается или затрудняется. Таковы суть представленія мои объ отправленіи въ Шкловъ почетнаго опекуна, сенатора Ланского и о возвышеніи пошлины на привозную пряденую хлопчатую бумагу до 20 р. съ пуда,—къ которымъ, по важности дѣла, присовокупляю докладъ о прибавкѣ на содержаніе Общества благородныхъ дѣвицъ ежегодно по 68,295 руб. Знаю я довольно, сколько Императоръ занятъ важнѣйшими дѣлами, но по необходимой надобности, принуждена напомнить о сихъ трехъ предметахъ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, попросите его величество моимъ именемъ, чтобы на оныя удѣлить изволилъ минуту и приказалъ увѣдомить меня о своемъ рѣшеніи. Я таковое угожденіе мнѣ приму съ истинною признательностью. Впрочемъ, пользуюсь съ удовольствіемъ симъ случаемъ, чтобъ изъяснить вамъ совершенное доброжелательство, съ каковымъ пребываю вамъ благосклонною.

„Марія“.

Въ С.-Петербургѣ, марта 22 дня, 1813 года № 878.

II. Александръ Семеновичъ! Я имѣла удовольствіе въ письмѣ вашемъ изъ Любена, отъ 3-го сего мѣсяца, читать повтореніе и подтвержденіе тѣхъ пріятнѣйшихъ извѣстій о путешествіи императора, любезнѣйшаго моего сына, которыя по другимъ перепискамъ до меня доходятъ; онѣ столь утѣшительны для моего сердца, что я не могу довольно часто ими наслаждаться, и я искренне вамъ благодарна за начертаніе зрѣлища общаго восторга, и за сообщеніе трогательныхъ стиховъ, изображающихъ народныя чувствованія къ императору. Никакое названіе, конечно, не можетъ быть его сердцу пріятнѣе, и никакое не приноситъ болѣе истинной славы, какъ имя Избавителя Европы, единогласно ему данное, и столь справедливо приобрѣтаемое. Я соединяюсь съ вами въ моленіи, да благословитъ Всевышній благія его намѣренія и увѣнчаетъ желаніе народовъ! Вы весьма меня обяжете сообщеніемъ и впредь печатаемыхъ въ мѣстахъ вашего пре-

*) Изъ подлинныхъ бумагъ А. С. Шишкова.

быванія сочиненій разнаго рода, обстоятельствами рождаемыхъ, которыя наиболѣе сочтете заслуживающими вниманія: онѣ составляютъ драгоценныя для всякаго россиянина памятники. Доставленныя вами рѣшенія императора по разнымъ моимъ представленіямъ мною получены, и я совершенно увѣрена, что происшедшее замедленіе приписать должно стеченію обстоятельствъ и важнѣйшихъ занятій. Зная довольно ваше усердіе, я въ полной мѣрѣ на оное полагаюсь и съ удовольствіемъ повторю изъявленіе уваженія и доброжелательства, съ коими пребываю вамъ благосклонною.

„МАРИЯ“.

На конвертѣ: Господину Государственному Секретарю Александрѣ Семеновичѣ Шишкову. Въ Карльсруе.

Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 17 дня,
1813 года, № 1155.

III. Александръ Семеновичъ! Я усерднѣе благодарю васъ за поздравленіе съ благополучнымъ прибытіемъ увѣнчаннаго славомъ императора, любезнѣйшаго моего сына, на берега Рейна, въ видѣ Избавителя Европы, и я искренно раздѣляю съ вами восторгъ, явствующій изъ письма вашего о толикихъ милостяхъ къ намъ Всевышняго. Справедливо замѣчаніе ваше, что самое праведное мщеніе погасаетъ въ великодушномъ сердцѣ, а остается одно желаніе общаго блага; и на семь-то желаній основана твердая наша надежда, что всеблагое Провидѣніе благословитъ подъятый императоромъ великій подвигъ вождѣльнымъ успѣхомъ и возстановленіемъ счастья угнетеннаго человѣчества. Присовокупляя о томъ моленія мои къ вашимъ, и съ особливымъ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ увѣрить васъ о истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковымъ пребываю вамъ благосклонною.

„МАРИЯ“.

На конвертѣ: Господину Тайному Советнику, Государственному Секретарю Александрѣ Семеновичѣ Шишкову.

Въ С.-Петербургѣ, декабря 25 дня 1813 года № 3774.

Письма императрицы Маріи Федоровны къ гр. П. П. Коновницыну.

1814 — 1815 г.

Петръ Петровичъ Коновницынъ, письма къ которому нами помѣщаются ниже, принадлежатъ къ замѣчательнымъ военнымъ дѣятелямъ въ войнахъ Россіи конца XVIII и первой четверти XIX-го столѣтій. Сынъ генералъ-губернатора архангельскаго и олонцакаго, Петръ Петровичъ род. въ 1766 году, а по другимъ извѣстіямъ въ 1764 г., и получивъ домашнее воспитаніе, началъ служ-

бу свою въ 1786 году въ л. г. Семеновскомъ полку прапорщикомъ. Вскорѣ по вступленіи своемъ на службу Кововницыну пришлось принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; то была шведская война 1788 — 1790 г.г.; затѣмъ мы его видимъ въ штабѣ князя Потемкина-Таврическаго при окончаніи войны съ турками. Въ послѣдовавшей затѣмъ войнѣ съ Польшею — Петръ Петровичъ командовалъ полкомъ и обратилъ на себя вниманіе Суворова. Въ царствованіе Павла I-го Кововницынъ, въ числѣ многихъ другихъ лицъ, понесъ опалу, и былъ отставленъ отъ службы. Время съ 1798 по 1806-й годъ Кововницынъ провелъ въ деревнѣ, въ Гдовскомъ уѣздѣ. Въ 1806 году Петербургское дворянство выбрало его командиромъ земской милиціи этой губерніи, а когда милиція была распущена, — императоръ Александръ Павловичъ удержалъ Кововницына въ своей свитѣ по квартирмейстерской части. Отличившись въ войнѣ съ Швеціей въ 1808 году, Кововницынъ особенно выдвинулся въ 1812-мъ году. Въ исторіи отечественной войны имя Кововницына начертано неизгладимыми чертами. Было бы слишкомъ длинно перечислять всѣ тѣ сраженія, въ которыхъ онъ принималъ участіе, стоя первоначально во главѣ командуемой имъ дивизіи, потомъ второй арміи, а съ 4-го сентября 1812 года сдѣланный Бутузовымъ дежурнымъ генераломъ всѣхъ російскихъ армій. Кововницынъ былъ такимъ образомъ правою рукою главнокомандующаго и явилъ на этомъ, въ высшей степени важномъ, посту удивительную распорядительность и энергію. Въ кампаніи 1813 года Кововницынъ принималъ самое дѣятельное участіе.

Въ 1814 — 1815 годахъ, къ которымъ относятся приводимыя ниже письма къ нему, — Кововницынъ былъ однимъ изъ довѣреннѣйшихъ лицъ императора Александра, и въ чинѣ генералъ-лейтенанта и генералъ-адъютанта былъ кавалеромъ Владиміра 1-й степени, Георгія 2-го класса и мног. друг. орденовъ. Въ началѣ февраля 1814 г. Кововницынъ былъ отправленъ государемъ на встрѣчу великимъ князьямъ Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу, ѣхавшимъ изъ Петербурга въ армію. 28 февраля онъ встрѣтилъ великихъ князей во Франкфуртѣ и затѣмъ, пробывъ съ ними въ Базелѣ до взятія Парижа, прѣѣхалъ туда съ ними послѣ покоренія уже этого города. Во все время пребыванія здѣсь великихъ князей Кововницынъ состоялъ при нихъ въ родѣ главнаго ихъ наставника, или лучше сказать дядьки-руководителя, и въ это-то время у него шла дѣятельная переписка съ императрицею-матерью, остававшейся въ Петербургѣ. Письма Маріи Федоровны къ нему, большею частью, носятъ характеръ довольно оффиціальныи, писаны, за немногими исключеніями, и слогомъ, и перомъ одного изъ состоявшихъ при ней чиновниковъ; но при всемъ томъ и въ нихъ читатель подмѣтитъ нѣсколько чертъ, обрисовывающихъ личность Маріи Федоровны, ея взглядъ на воспитаніе августѣйшихъ внуковъ и найдетъ указанія на то, какъ шло это воспитаніе.

Къ письмамъ императрицы Маріи Федоровны мы присоединили два письма в. к. Николая Павловича, писанные имъ въ томъ году, когда его прежній дядька былъ назначенъ военнымъ министромъ. Положеніе, которое почти два года занималъ Кововницынъ при великихъ князьяхъ, какъ надо полагать, упрочило за нимъ извѣстность человѣка, способнаго руководить воспитаніемъ юношества; покрайней мѣрѣ въ 1819 году онъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ пажескаго, 1, 2 и Смоленскаго (впослѣдствіи 1-го московскаго) кадетскихъ корпусовъ, императорскаго военно-сиротскаго дома (впослѣдствіи павловскаго кад. корп.), Дворянскаго полка, состоявшаго при полку дворянскаго кавалерійскаго эскадрона и царскосельскаго лицея, съ состоявшимъ при

немъ паціеюмъ. Въ томъ же году Коновницинъ со всѣмъ потомствомъ возведенъ въ графское достоинство. Онъ умеръ 29 августа 1822 года *).

Воинъ безстрашный — Коновницинъ собственной кровью приобрѣлъ чины и отличія **). Распорядительности и энергіи его въ трудную эпоху отечественной войны отдають справедливость всѣ писавшіе объ этой кампаніи. Затѣмъ онъ былъ въ своей, чисто военной специальности, весьма свѣдущъ и много работалъ для своего военного образованія; но въ какой мѣрѣ онъ могъ быть хорошимъ воспитателемъ, т.-е. имѣлъ ли онъ достаточно не знаний, ими богатъ былъ этотъ человекъ, не нравственныхъ качествъ — это былъ честиѣйшій и благороднѣйшій человекъ, а просто силы характера — чтобы вести въѣрренныхъ ему питомцевъ, это еще вопросъ, который требуетъ серьезной разработки со стороны біографа Коновницина; въ сожалѣнію, жизнь этого достопамятнаго человека не описана съ тою полнотою и обстоятельностью, съ какою она того заслуживаетъ; по крайней мѣрѣ біографіи его, составленныя Висковатовымъ и Михайловскимъ-Данилевскимъ суть не болѣе какъ формулярные списки, разбавленные воднистыми похвалами, которыми столь щедро осыпали эти писатели всѣхъ тѣхъ генераловъ, дѣянія которыхъ они брались описывать. Но во всякомъ случаѣ, повторяемъ, въ области чисто военного дѣла Коновницинъ безспорно былъ — прекрасенъ и въ особенности на посту и исполнителя предначертаній главнокомандующаго, что умный старикъ Кутузовъ, какъ нельзя лучше проводилъ, дѣлая его своимъ правую руку. Гр. Л. Н. Толстой своимъ художническимъ чутьемъ разомъ проникъ и охватилъ нравственный образъ Коновницина, и этотъ человекъ какъ живой выдвинулся въ исторической хроникѣ-романѣ «Война и миръ».

Что касается до сыновей Коновницина, то двое старшихъ изъ нихъ были охвачены потокомъ политическихъ мечтаній двадцатыхъ годовъ и попали въ ряды дѣятелей 14-го декабря. Первый сынъ славнаго ветерана, графъ Петръ Петровичъ въ эпоху 14-го декабря былъ подпоручикомъ гвардейскаго генеральнаго штаба. По лишеніи чиновъ и дворянства онъ былъ написанъ рядо-

*) Графъ Петръ Петровичъ оставилъ четырехъ сыновей и одну дочь, Елисавету Петровну, вышедшую замужъ за полковника тарутинскаго пѣхотнаго полка Михаила Михайловича Нарышкина. Это былъ честный, образованный и вполне благородный человекъ. Политическія увлеченія ввергли его въ дѣла 14-го декабря. Никакія связи и родство не спасли его отъ участи, предназначенной ему и его товарищамъ. Нарышкинъ былъ посланъ въ каторжныя работы на двѣнадцать лѣтъ, каковой срокъ, съ сокращеніемъ нѣкотораго времени, вослѣдовавшаго по высочайшимъ манифестамъ, и пробылъ въ Сибири. — Достойная супруга его — презрѣвъ почетъ, богатство и высокое положеніе въ свѣтѣ, послѣдовала за своимъ мужемъ и раздѣлила съ нимъ тяжкую ссылку. Она собственноручно обшивала мужа и старала ему бѣлье: этотъ фактъ, безъ сомнѣнія, много говоритъ въ пользу какъ ея, такъ и ея отца, умѣвшаго внушить своимъ дѣтямъ прекрасныя нравственныя качества. Въ сороковыхъ годахъ Нарышкинъ былъ прощенъ. Прощеніе это вослѣдовало по ходатайству кн. Сергія Михайловича Голицына, друга покойнаго Государя. Нарышкинъ умеръ въ 1863 году. Сотоварищъ его по бѣдствію, кн. Евг. П. Оболенскій, также уже нынѣ покойный, почтилъ его некрологомъ, напечатанномъ въ № 3 газеты «День» 1863 года.

**) Вотъ собственноручная его замѣтка о числѣ сраженій, въ которыхъ довелось ему принять участіе: «былъ въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ съ поляками въ 4-хъ, со шведами въ 22-хъ, съ французами, съ 15-ю при нихъ націями, въ 21-мъ. Итого въ настоящихъ дѣлахъ, кромѣ аванпостныхъ, шармюделей и разныхъ рекогносцировокъ частныхъ въ 47-ми».

былъ въ сибирскіе гарнизоны, а затѣмъ сосланъ солдатомъ же въ дальній гарнизонъ на Кавказъ; здѣсь послѣ многихъ совершенныхъ имъ походовъ, послѣ цѣлаго ряда битвъ съ горцами и затѣмъ персіанцами — онъ 3 сентября 1830 года умеръ, сраженный убійственнымъ климатомъ. Незадолго до смерти Коконницынъ произведенъ былъ въ прапорщики. Товарищъ его несчастія кн. А. И. Одоевскій — почтилъ его смерть прелестнымъ стихотвореніемъ: «На смерть П. П. К-на», напечатанномъ въ «Русской Бесѣдѣ» 1859 г. (кн. I, стр. 3); второй сынъ ветерана 1812-го года—графъ Иванъ Петровичъ былъ шестнадцатилѣтнимъ юношей въ эпоху декабря; признанный также соучастникомъ въ государственномъ преступленіи, онъ былъ отправленъ въ армию на Кавказъ. Послѣ многихъ лѣтъ трудной службы, гр. Иванъ Петровичъ получилъ прощенье и долго потомъ служилъ по выборамъ дворянства. Этотъ человѣкъ приобрѣлъ всеобщее уваженіе своимъ умомъ и нравственными качествами. Онъ умеръ весьма недавно. Графъ Иванъ Петровичъ женатъ былъ на Маріи Николаевнѣ Бахметевой и оставилъ дѣтей.

Гр. П. П. Коконницынъ писалъ много. Извѣстно, напр., что во время послѣдней войны съ Швеціею онъ велъ подробный журналъ; гдѣ онъ — мы пока не знаемъ. Представляя здѣсь нѣкоторые документы изъ его семейнаго архива, мы надѣемся извлечь изъ него еще другіе матеріалы для біографіи этого замѣчательнаго человѣка.

Ред.

I. Въ Петербургѣ, апрѣля 2-го дня, 1814 года. Петръ Петровичъ! Письмо ваше отъ 1-го марта, весьма медленно до меня дошедшее, имѣла я удовольствіе получить вчера и поспѣшаю отвѣтомъ на оное, чтобы, благодаря васъ за увѣдомленіе о назначеніи васъ императоромъ, любезнѣйшимъ моимъ сыномъ, быть при дѣтяхъ моихъ, и о пути великимъ князьямъ предначертанномъ, воспользоваться случаемъ къ изъявленію вамъ, сколь пріятенъ мнѣ выборъ такового для сына-вей моихъ путеводителя на полѣ славы. Я искренно обязана императору за сей выборъ, соответствующій моему о васъ мнѣнію и совершенному удостовѣренію, что, доказавъ на опытѣ сколь извѣстны вамъ качества и должности полководца, и запечатлѣвъ кровію приверженность вашу къ государю и любовь къ отечеству, вы въ полной мѣрѣ выжили въ обязанности возложеннаго на васъ порученія, и чувствуете важность онаго и отвѣтственность съ нимъ сопряженную. Я увѣрена, что руководствуя великихъ князей вашими совѣтами, представленіями и объясненіями, дабы воспользовались случаемъ приобрести опытность въ наукѣ ихъ сану, особливо въ нынѣшнія времена, толико нужной, вы не оставите обращать ихъ вниманіе на всѣ должности въ ней соединяющіяся, и на то, что хотя долгъ и честь повелѣваютъ полководцу встрѣчать равнодушно опасности, когда онѣ случаются и когда нужно дать примѣръ собою, однако истинное мужество не состоитъ въ пылкости, влекущей безъ нужды и разбора бросаться въ опасность, и будете удерживать юношескую и неопыт-

ную храбрость отъ излишняго воспаленія. На вашу совѣсть возложено теперь ихъ сохраненіе, и я съ полною надеждою полагаюсь на васъ, что вы въ семъ отношеніи будете ихъ другъ, совѣтникъ и хранитель и замѣните достойнаго ихъ наставника Матвѣя Ивановича Ламбсдорфа. Я прошу васъ какъ возможно чаще давать подробныя объ нихъ извѣстія. Узнавая въ сихъ рѣчахъ моихъ внушенія сердца матери, о благѣ рожденія своего пекущейся, вы, безъ сомнѣнія, внимать будете гласу его чувствованій, и возвращеніемъ сыновей моихъ въ сохранности тѣлесной и душевной, послѣ окончанія со славою войны, въ материнскія объятія, заставите меня присовокупить изъявленіе чувствительнѣйшей признательности за такое неопѣненное попеченіе ваше, къ увѣреніямъ о истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковымъ пребываю вамъ благосклонною. „МАРИЯ“.

Помѣта Коновницына: <получено 19 числа апрѣля 1814 г. въ Парижѣ>.

II. Въ Павловскѣ, августа 3-го дня 1814-го года. Петръ Петровичъ! Препорученіе, возложенное на васъ императоромъ, любезнѣйшимъ моимъ сыномъ при его братьяхъ и вами съ толикимъ усердіемъ и раченіемъ исполненное, пріобрѣло вамъ искреннюю мою признательность, которую я удовольствіемъ себѣ поставила изъявлять вамъ лично при всякомъ случаѣ. Но желая, чтобы у васъ остался памятникъ таковыхъ моихъ чувствованій и отличнаго моего къ вамъ уваженія, я прошу васъ принять въ семъ видѣ приложенную при семъ табакерку, на которой изображенное камнями имя, да напоминаетъ вамъ о матери, обязанной ревностнымъ попеченіемъ вашимъ о возлюбленныхъ ея чадахъ. Примите съ тѣмъ вмѣстѣ увѣреніе о совершенномъ доброжелательствѣ, съ каковымъ я пребываю вамъ благосклонною. „МАРИЯ“

III*). 6-го апрѣля 1815. Петръ Петровичъ! Ласкаясь удовольствіемъ считать васъ уже какъ находящагося при Любезнѣйшихъ Сыновьяхъ моихъ, я позволяю себѣ обращаться съ вами въ семъ видѣ, и прошу васъ принять приложенное при семъ и возобновленное желаніе счастливо пути, какъ доказательство моего благоразположенія и искренней доверенности. МАРИЯ.

IV. С.-Петербургъ, 11 мая 1815. Петръ Петровичъ! Любезнѣйшіе сыновья мои, великіе князья Николай Павловичъ и Михайлъ Павловичъ, сами вручатъ вамъ сія строки, коими я предаю ихъ въ ваше попеченіе и усердное расположеніе. Довѣріе императора, любезнѣйшаго моего сына, выборомъ васъ для сопровожденія братьевъ его

*) Письмо это собственноручное Маріи Федоровны приведено нами буквально.

величества доказанное, личное мое съ вами знакомство и опытъ перваго пребыванія великихъ князей съ вами, все сіе даетъ мнѣ совершеннѣйшее удостовѣреніе, что изъ рукъ почтеннаго генерала Ламбсдорфа не могутъ они быть переданы лучшему наставнику на полѣ славы какъ вамъ.

Ваше служеніе, извѣстное въ арміи, ваше руководство и совѣты подтверждаемые опытностію и даннымъ неоднократно примѣромъ подадутъ сыновьямъ моимъ истинное понятіе о воинѣ и полководцѣ, коего храбрость обуздывается разсудкомъ, чтобы не сдѣлаться отважностію. Сколько ни больно материнскому сердцу подвергать жизнь дѣтей опасности, я тѣмъ не менѣе признаю, что они не должны избѣгать ея, коль скоро честь и долгъ ихъ требуетъ подать собою примѣръ неустрашимости; но я увѣрена также, что я могу быть совершенно спокойна въ томъ, что внимая моимъ чувствованіямъ, вы стараетесь будете отвращать отъ нихъ бесполезную опасность и удерживать ихъ, дабы пылкію юностию не увлекались безъ нужды въ гибель. Они удостовѣрятся также, что съ честію неразлучна добродѣтель и непорочность нравовъ, которыя, въ соединеніи со скромностію, столькоже украшаютъ военное, какъ и всякое другое званіе, а удаленіе отъ нихъ помрачаютъ славу героя. Для сохраненія ихъ драгоцѣнныхъ качествъ души, которыя я теперь съ утѣшеніемъ вижу въ великихъ князьяхъ, вниманіе ваше конечно обращено будетъ на занятіе ихъ полезными упражненіями, отвращеніе праздности, хорошій выборъ знакомствъ, всевозможное удаленіе такихъ, коихъ примѣры и рѣчи не согласны съ сими правилами, и огражденіе ихъ отъ хитрыхъ внушеній льстецовъ, старающихся ласкательствомъ и всякими угожденіями снискивать себѣ покровительства. Итакъ, поручая ихъ вашему отеческому попеченію, я съ полною довѣренностію полагаюсь на вашу приверженность и ваше усердіе и съ удовольствіемъ возобновляю здѣсь увѣреніе объ истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми пребываю всегда вамъ благосклонною

„Марія“.

V. Въ Павловскѣ, іюня 24-го дня 1815-го года. Петръ Петровичъ! Я имѣла удовольствіе получить письмо ваше отъ 5-го іюня и усмотрѣть изъ онаго, что императоръ, любезнѣйшій сынъ мой, опять назначилъ васъ къ братьямъ своимъ и тѣмъ исполнилъ искреннѣйшее мое желаніе, основанное на моемъ о васъ мнѣніи. Изъявляя вамъ симъ сколь пріятно мнѣ такое назначеніе, я повторяю съ тѣмъ вмѣстѣ и увѣреніе о совершенномъ моемъ убѣжденіи, что изъ рукъ почтеннаго генерала Ламбсдорфа не могли сыновья мои перейти въ лучшія вашихъ, и что благо ихъ и польза во всѣхъ отношеніяхъ

составлять будетъ предметъ усерднѣйшаго вашего попеченія. Будучи въ томъ совершенно увѣрена, я не возобновляю моей о семь просьбы, а полагаюсь съ полнымъ довѣріемъ на ваше усердіе и приверженность. Благодаря вамъ за извѣстія о великихъ князьяхъ и обѣщаніе продолжать оныя, я прошу васъ быть увѣрену, что тѣмъ сдѣлаете мнѣ чувствительнѣйшее удовольствіе и что я съ своей стороны охотно пользоваться буду всякимъ случаемъ, чтобы доказать вамъ уваженіе и доброжелательство, съ каковымъ пребываю вамъ благосклонно
„Марія“.

VI. Въ Павловскѣ, іюля 6-го дня, 1815 года. Петръ Петровичъ! Я имѣла удовольствіе получить ваше письмо изъ Рейнцаберна отъ 16-го іюня и усмотрѣть изъ онаго, что любезнѣйшіе сыновья мои пользуются вождѣннѣйшимъ здравіемъ. Благодаря вамъ за исправность въ доставленіи мнѣ объ нихъ извѣстій, я наслаждаюсь надеждою, основанною на бывшихъ счастливыхъ происшествіяхъ, что отсутствіе сыновей моихъ не будетъ продолжительно, и что я вскорѣ буду имѣть душевное утѣшеніе принять великихъ князей съ императоромъ въ материнскія объятія. Я молю Всевышняго о приведеніи сего радостнаго событія, и въ ожиданіи пріятнаго случая лично съ вами видѣться, возобновляю попрежнему увѣреніе о искреннемъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковымъ пребываю вамъ благосклонно
„Марія“.

VII. Въ Павловскѣ, іюля 12-го дня, 1815 года. Петръ Петровичъ! Благодарю васъ за продолженіе извѣстій о любезнѣйшихъ сыновьяхъ моихъ великихъ князьяхъ Николаѣ Павловичѣ и Михаилѣ Павловичѣ чрезъ послѣдняго курьера полученное, а нынѣ, при вѣроятномъ вступленіи ихъ въ Парижъ, обращаюсь съ полнымъ довѣріемъ въ отеческому вашему о ихъ благѣ попеченію, которое въ сей столицѣ роскоши и преврата нужнѣе нежели гдѣ либо, и отъ котораго я ожидаю успокоенія материнскаго сердца. Я конечно ни мало не сомнѣваюсь, что внушенныя имъ правила нравственности, благочестія и добродѣтели, предохраняютъ ихъ отъ дѣйствительныхъ погрѣшеній, но пылкое воображеніе юношей въ такомъ мѣстѣ, гдѣ почти на каждомъ шагу представляются картины порока и легкомыслія, легко принимаетъ впечатлѣнія, помрачающія природную чистоту мыслей и непорочность понятій, тщательно по нынѣ сохраненную; развратъ является въ столь пріятномъ или забавномъ видѣ, что молодые люди, увлекаемые наружностію, привыкаютъ смотрѣть на него съ меньшимъ отвращеніемъ и находятъ его менѣе гнуснымъ. Сего пагубнаго дѣйствія опасуюсь я наиболѣе по причинѣ невиннаго удовольствія, съ каковымъ великіе князья по неопытности своей воспоминали о пер-

вомъ своемъ пребываніи въ Парижѣ, не вѣдая скрытаго зла; но будучи теперь старѣе нужно показать имъ въ настоящемъ видѣ сіи впечатлѣнія, отъ которыхъ прошу я васъ убѣдительно предохранить ихъ вашимъ отеческимъ попеченіемъ, обращая также вниманіе на выборъ спектаклей, которые они посѣщать будутъ, и которые нерѣдко вливаютъ непримѣтнымъ и тѣмъ болѣе опаснымъ образомъ ядъ въ юныя сердца. Весьма бы желательно было, если бы въ случаѣ продолжительнаго пребыванія императора въ Парижѣ, можно было великимъ князьямъ воспользоваться тѣмъ временемъ для любопытнаго и полезнаго путешествія по достопримѣчательнымъ мѣстамъ въ окрестности; но если сего устроить невозможно, или краткость времени не дозволить, то, по крайней мѣрѣ, прошу васъ всемѣрно стараться, чтобы они заняты были полезными упражненіями и ученіемъ, къ чему такой городъ каковъ Парижъ представляетъ много способовъ. Я въ сихъ отношеніяхъ обращаю къ вашему сердцу, которое умѣетъ раздѣлять заботы матери о душевномъ и тѣлесномъ благѣ дѣтей своихъ, и твердо надѣюсь на вашу ревность и приверженность, увѣряю васъ напередъ о чувствительнѣйшей моей признательности, и съ совершеннымъ уваженіемъ и доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною

„МАРІА“.

VIII. Въ Павловскѣ, іюля 21-го дня, 1815 года. Петръ Петровичъ! Черезъ прибывшаго третьяго дня генераль-адъютанта князя Трубецкаго получила я и ваши два письма изъ Нанси и Парижа, и благодаря васъ за таковую исправность въ доставленіи мнѣ извѣстій о любезнѣйшихъ сыновьяхъ моихъ, усердно поздравляю васъ съ благополучными происшествіями, общающимися Франціи восстановление законнаго правительства и съ нимъ благоденствія, Европѣ и человечеству миръ и спокойствіе, а мнѣ душевное утѣшеніе видѣть дѣтей моихъ около меня. О пребываніи въ Парижѣ я уже сказала вамъ мои мысли и желанія, и я твердо на васъ надѣюсь; и теперь только пользуюсь случаемъ возобновить вамъ увѣреніе о искреннемъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковымъ пребываю вамъ благосклонною

„МАРІА“.

IX. Въ Павловскѣ, іюля 27-го дня 1815 года. Петръ Петровичъ! Пріятныя извѣстія о любезнѣйшихъ сыновьяхъ моихъ, заключающіяся въ письмѣ вашемъ отъ 7-го сего мѣсяца, читала я съ великимъ удовольствіемъ, равно какъ и свидѣтельство ваше объ усердіи кавалеровъ, соответствующемъ моему о нихъ мнѣнію. Но сколь ни благопріятны всѣ сіи виды пребыванія великихъ князей въ Парижѣ, я однако не скрываю отъ васъ, что весьма обрадуюсь выѣзду ихъ высочествъ изъ сего города, какъ по естественному желанію съ ними

видѣться, такъ и по нравственнымъ побужденіямъ. Я надѣюсь, что исполненіе моихъ желаній недолго промедлится, и что я скоро буду имѣть удовольствіе лично изъявить вамъ уваженіе и доброжелательство, съ каковымъ пребываю вамъ благосклонною „Марія“.

X. Въ Павловскѣ, августа 4-го дня 1815-го года. Петръ Петровичъ! Имѣвъ удовольствіе получить письмо ваше отъ 20-го іюля, я повторяю благодареніе мое за точное продолженіе извѣстій о любезнѣйшихъ сыновьяхъ моихъ и любопытныхъ посѣщеніяхъ, которыми занята часть ихъ времени. Но весьма пріятно бы мнѣ было также получать свѣдѣнія объ упражненіяхъ великихъ князей до наукъ относящихся и вы мнѣ сдѣлаете великое удовольствіе увѣдомленіемъ о предметахъ, коими они занимаются и образъ занятій. Я полагаюсь на ваше усердіе и готовность мнѣ угодить и прошу васъ быть всегда увѣрены о искреннемъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми пребываю вамъ благосклонною „Марія“.

XI. Въ Гатчинѣ, сентября 16-го дня 1815-го года. Петръ Петровичъ! Пріѣхавшій сегодня курьеръ привезъ мнѣ два письма отъ васъ 10-го 17-го августа, и я съ удовольствіемъ усмотрѣла предстоящій отъѣздъ любезнѣйшихъ сыновей моихъ великихъ князей изъ Парижа, гдѣ время ихъ пребыванія будучи большею частію занято предметами до военной службы касающимися, слишкомъ мало позволяло имъ помышлять объ усовершенствованіи познаній. Всякій молодой человѣкъ имѣетъ необходимую нужду отдѣлять нѣкоторое время для собранія своихъ мыслей и приумноженія своихъ свѣдѣній, и утвержденія въ приобрѣтенныхъ познаніяхъ и правилахъ, ибо, по сохраняемому мною всегда въ памяти замѣчанію, тотъ кто впередъ не подвигается въ ученіи, отступаетъ назадъ.

Михаилъ Павловичъ, при семнадцатилѣтнемъ возрастѣ, имѣетъ въ особенности крайнюю нужду заниматься полезными предметами и болѣе утвердиться въ пройденныхъ наукахъ, и я буду благодарить Бога отъ глубины сердца и въ семъ важномъ отношеніи, когда увижу великихъ князей обратно здѣсь продолжающихъ недоконченное, особливо младшаго, воспитаніе *). Я надѣюсь что благословеніемъ Всевышняго мое желаніе скоро совершится, и благодаря васъ искренно за сообщаемыя о сыновьяхъ моихъ извѣстія, прошу васъ продолжать

*) Императрица-мать весьма беспокоилась о степени успѣшности учебныхъ занятій ея младшихъ сыновей, и ходъ этихъ занятій въ особенности в. к. Михаила Павловича не вполне ее удовлетворялъ. Независимо отъ печатаемыхъ вами писемъ, это можно видѣть и изъ писемъ императрицы къ Лагарпу. (Сбор. русск. истор. об. т. V, стр. 92—119). Ред.

снабженіемъ меня оными. Съ удовольствіемъ повторяю я въ прочемъ увѣреніе о совершенномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми пребываю вамъ благосклонною „Марія“.

XII. Въ Гатчинѣ, сентября 28-го дня 1815-го года. Петръ Петровичъ! Я имѣла удовольствіе получить пріятнѣйшія донесенія ваши отъ 26-го августа и 2-го сентября и благодаря васъ за оныя, предоставляю вамъ самимъ судить о чувствованіяхъ материнскаго сердца при чтеніи похвалы приобрѣтаемой единогласно любезнѣйшими сыновьями моими, великими князьями Николаемъ Павловичемъ и Михаиломъ Павловичемъ, какъ образомъ исправленія въ первый разъ предъ лицомъ побѣдоноснаго воинства, возложеннаго на нихъ командованія, такъ и вообще ихъ обхожденіемъ. Вы конечно повѣрите, что я живо участвую въ утѣшеніи, которое вы ощущали видя ихъ на маневрахъ и среди иностранцевъ, и въ той радости, которая, безъ сомнѣнія, исполнила ихъ сердца при полученіи порученія императора толико для нихъ лестнаго. Теперь, благодаря Бога, могу я уже заниматься вычисленіемъ недѣль и дней до ихъ ко мнѣ возвращенія, ибо императоръ пишетъ ко мнѣ, что предполагаетъ быть здѣсь въ ноябрѣ мѣсяцѣ, и я съ умиленіемъ предаюсь сему пріятному ожиданію. Я надѣюсь и усерднѣе желаю, чтобы случившееся вамъ поврежденіе, о которомъ съ искреннимъ сожалѣніемъ извѣстилась, не было препятствіемъ вашему отъѣзду съ сыновьями моими и чтобы скорое и совершенное ваше выздоровленіе доставило мнѣ удовольствіе видѣть васъ съ ними и лично повторить вамъ изъясленіе уваженія и доброжелательства, съ каковыми пребываю вамъ благосклонною „Марія“.

XIII. Въ Гатчинѣ, октября 10 дня 1815 г. Петръ Петровичъ! Черезъ прибывшаго третьяго дня курьера имѣла я удовольствіе получить письмо ваше отъ 9-го сентября и повторяю изъясленіе искренняго моего сожалѣнія о случившемся вамъ несчастіи, благодаря Бога, что не имѣло худшихъ послѣдствій, и что вы чувствовали себя въ состояніи сопутствовать любезнѣйшимъ сыновьямъ моимъ. Съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаю я ихъ возвращенія и удовольствія лично благодарить васъ за всѣ труды ваши; ибо сколь ни утѣшительны для моего сердца всѣ отзывы о поведеніи и обращеніи великихъ князей, я не могу однако довольно изъяслять признательности моей Провидѣнію за удаленіе ихъ наконецъ изъ Парижа; и усерднѣе молю Всевышняго о ихъ благополучномъ сюда прибытіи, для продолженія прерваннаго воспитанія и довершенія нужнаго имъ еще ученія. Приѣзжайте съ ними скорѣе и будьте увѣрены, что вы при-

няты будете съ чувствованіями уваженія и доброжелательства, съ каковыми пребываю всегда вамъ благосклонною „МАРИА“.

XIV. Въ Гатчинѣ, октября 13 дня 1815 г. Петръ Петровичъ! Я съ чувствительнымъ удовольствіемъ получила письма ваши изъ Парижа, Дижона и Бадена отъ 18-го, 25 и 28-го сентября, доказывающія, что вы съ любезнѣйшими сыновьями моими приближаетесь къ нашимъ предѣламъ, и что я теперь могу ласкать себя твердою надеждою скорѣ включитъ ихъ въ мои объятія. Благодаря васъ за исправное извѣщеніе о продолженіи пути, я утѣшаюсь сообщеніемъ вамъ радости, какою исполняется мое сердце при помышленіи о скоромъ великихъ князей прибытіи. Я молю Всевышняго о благословеніи ихъ путешествія и прошу васъ быть увѣрены о истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми пребываю всегда вамъ благосклонною „МАРИА“.

XV. Петръ Петровичъ! Я съ истиннымъ сожалѣніемъ извѣстилась чрезъ письма любезнѣйшихъ сыновей моихъ, великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича, о приключившейся вамъ въ дорогѣ жестокой болѣзни; но надѣюсь и утверждаюсь въ сей надеждѣ полученнымъ отъ васъ изъ Берлина письмомъ, что вы отъ болѣзни совершенно избавились, чего отъ искренняго сердца желаю. Вы конечно представляете себѣ, и вѣрно радѣяете со мною удовольствіе, съ каковымъ я узнала, что великіе князья избавлены отъ поѣздки въ Варшаву. Вамъ извѣстны причины, для коихъ я желаю ихъ скорѣйшаго возвращенія и вы легко повѣрите, что я была сему столько же рада, какъ я уповаю и вы сами, зная ваши мысли*). Теперь я съ нетерпѣніемъ почти ежедневно ожидать буду приѣзда сыновей моихъ, который почитаю весьма близкимъ, и прошу васъ быть увѣрены о чувствительномъ удовольствіи, съ каковымъ я васъ приму и повторю вамъ лично изъявленіе искреннѣйшей признательности моей за всѣ труды и попеченіе ваше о великихъ князьяхъ, равно какъ и отличнаго уваженія и доброжелательства, съ каковыми пребываю вамъ благосклонною „МАРИА“. Въ С.-Петербургѣ, ноября 3 дня, 1815 г.

XVI. Петръ Петровичъ! Курьеръ, привезшій мнѣ письмо ваше изъ Берлина отъ 23-го октября, обрадовалъ меня пріятнѣйшею вѣстію, императоромъ и самимъ любезнѣйшимъ женихомъ мнѣ сообщенною о помолвѣ великаго князя Николая Павловича, о которой и вы меня извѣщаете. Отъ искренняго сердца благодарю я васъ за поздравленіе съ симъ счастливымъ событіемъ, которое, по всѣмъ че-

*) Слова, набранныя разрядкой, въ подлинникѣ подчеркнуты. Ред.

ловѣческимъ догадкамъ и предположеніямъ, предвѣщаетъ благополучіе обоимъ молодымъ будущимъ супругамъ, по отличнымъ качествамъ ихъ душъ и сердець. Я увѣрена, что вы принимаете въ томъ живѣйшее участіе и мнѣ тѣмъ пріятнѣе излить предъ вами чувствительнѣйшее удовольствіе, коимъ сердце мое исполнено. Моля Всевышняго да благословитъ сей предполагаемый бракъ и сподобитъ любезнѣйшаго моего сына обрѣсти счастье свое въ созиданіи счастья своей супруги, я съ нетерпѣніемъ ожидаю прибѣда всѣхъ любезнѣйшихъ дѣтей моихъ, и той драгоценной минуты, когда, окруженная ими, я паки возчувствую себя благополучнѣйшею матерью. Поспѣшайте быть свидѣтелемъ моего счастья и принять лично увѣреніе о истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми я пребываю вамъ благосклонною
„МАРІА“.

XVII *) 30 ноября 1815 г. Петръ Петровичъ прошу васъ мнѣ удовольствіе здѣлать проводите великихъ князей завтרכתаго дня на празнество Семеновскаго поляа. Вы видите какова довереность моя къ вамъ, и сколько я читаю на ваше усердіе, и желаніе мнѣ удовольствіе сдѣлать; Будьте тоже уверенны что я благодарна и что я есть и буду ваша благосклонная МАРІА.

XVIII. С.-Петербургъ, 30 декабря 1815 г. Петръ Петровичъ! Изъявивъ вамъ уже на словахъ искреннюю мою признательность за усердное попеченіе ваше о любезнѣйшихъ сыновьяхъ моихъ, великихъ князьяхъ Николаѣ Павловичѣ и Михаилѣ Павловичѣ и уваженіе мое вами приобрѣтенное, я желала, чтобы память таковыхъ моихъ къ вамъ расположеній сохранилась у васъ видимымъ знакомъ. Съ симъ намѣреніемъ я прошу васъ принять приложенную здѣсь табатерку, на которой изображенны каменьями имена напоминать вамъ будутъ какъ о препорученіи, вами съ такимъ рвеніемъ исполненномъ, такъ и моемъ довѣрїи и моей чувствительной благодарности. Я нахожу особливое удовольствіе въ изъявленїи вамъ таковой справедливости, мною вамъ отдаваемой, купно съ отличнымъ уваженіемъ и доброжелательствомъ, съ каковыми пребываю вамъ благосклонною
„МАРІА“.

*) Письмо это собственноручное императрицы Марїи Феодоровны.